

Агропромышленный комплекс как генератор нового экономического роста России: состояние и возможности

И.А. Кузовлева,

д-р экон. наук, проф., директор инженерно-экономического института Брянский государственный инженерно-технологический университет (e-mail: o_sukharev@list.ru)

О.С. Сухарев,

д-р экон. наук, проф., зав сектором ИЭ РАН, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Аннотация. На основе обобщения статистических данных и сопоставительного анализа за выделенные периоды исследуется проблема устойчивости динамики сельскохозяйственного производства в России. Демонстрируется эффект подрыва развития ресурсной базы сельского хозяйства и предлагается общая схема его восстановления. Основной вопрос, сможет ли сельскохозяйственное производство стать основным фактором нового экономического роста в России, получает положительное толкование только при условии соответствующих институциональных изменений (создание стимулов), обеспечивающих приток различных видов ресурсов для развития сельского хозяйства. При этом и проблема продовольственной безопасности не может и не должна сводиться только к вытеснению импортного продовольствия с отечественного рынка и развёртывания российских перерабатывающих производств, а должна учитывать изменение состояния ресурсного обеспечения развития сельского хозяйства. Контуры производства средств производства необходимо «замкнуть» на создание машин и оборудования для сельского хозяйства (сельхозмашиностроение), помимо этого необходимо развёртывание работы по созданию семенного фонда в России, выведения новых пород крупного рогатого скота, отечественных удобрений и минеральных солей, технологий агрокультуры и т.д. Особой проблемой выступает технико-технологическое обеспечение развития сельского хозяйства, которое должно осуществляться соразмерно с решением задачи по созданию необходимых ресурсов. Таким образом, особенности развития сельского хозяйства сводятся к тому, что нужна система воздействий в рамках аграрной политики государства, направленных на каждый элемент цикла сельскохозяйственного производства, при соответствующем развитии сельскохозяйственных наук – проведения фундаментальных и прикладных поисковых исследований. Обобщённо, нужна политика управляемого перелива ресурсов в эти виды деятельности при общей интенсификации их использования с учётом природно-климатических зон, формирующих разные уровни затрат и условия развития сельской экономики.

Abstract. Based on the compilation of statistical data, and comparative analysis for selected periods devoted to the problem of stability of the dynamics of agricultural production in Russia. It demonstrates the effect of undermining the development of the resource base of agriculture and offers a general outline of his recovery. The main question is whether agricultural production is becoming a major factor in the new economic growth in Russia will receives a positive interpretation, only if appropriate institutional change (providing incentives) to ensure the influx of different types of resources for the development of agriculture. At the same time, and the food security problem can not and should not be limited to replacement of imported food from the domestic market, and the deployment of Russian processing facilities, but should take into account the change in the state of the resource to ensure the development of agriculture. The contours of the production of means of production must be "close" to the creation of machinery and equipment for agriculture (agricultural machinery), in addition to this, the deployment works on creation of a seed fund in Russia, the development of new breeds of cattle, domestic fertilizer and mineral salts, of agriculture, and so on technology. d. A particular problem in favor of technical and technological support for the development of agriculture, which must be commensurate with the task of building the necessary resources. Thus, the features of the development of agriculture are reduced to that needed a system impact within the agricultural policy of the state aimed at each element of the cycle of agricultural production, with a corresponding development of agricultural sciences - fundamental and applied research search. Generalized need a policy managed overflow of resources in these activities at a general intensification of their use, taking into account climatic zones forming different levels of cost and conditions of development of the rural economy.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, экономический рост, пищевая промышленность, экологически чистое продовольствие, программы развития, защита продовольственного рынка, санкции.

Keywords: agricultural production, economic growth, food, clean food, program development, protection of the food market, sanctions.

1. Общие условия организации экономического роста в России и влияние динамики сельского хозяйства

Новая модель экономического роста в России является темой преткновения многих экономических и политических дискуссий. Многие поднимаемые вопросы остаются спорными, однако сторонники разных экономических взглядов на проводимую правительственную политику объединяются вокруг главного тезиса, который практически не оспаривается: необходим рост производительной деятельности и создание условий для развития сельского хозяйства [1-3] и промышленности. Если в 1995 году доля сельского хозяйства составляла почти 8%, то в 2015 около 4% ВВП России. Только за десять лет с 2005 по 2015 год доля занятого населения в сельском хозяйстве снизилась с 10% до 6-7%¹. Сырьевая ориентация экономики России не позволяет дать высокую конкурентоспособность её в будущем и представляет опасность с точки зрения обеспечения обороноспособности и национальной безопасности в самом широком значении слова (включая продовольственную независимость).

Динамика реального сектора экономики России (сельское хозяйство и промышленность) за двадцать лет с 1995 по 2015 гг. представлена на рисунке 1. Изменение индексов промышленного производства и производства продукции сельского хозяйства позволяет выделить несколько релевантных периодов их совместного развития.

Первый период – это период абсолютного спада с 1991-1992 по 1998 гг., причём более глубокий спад произошёл в сельском хозяйстве, причиной чего стала в том числе и «импортная атака» на продовольственном рынке России.

Второй период – период постдевальвационного роста с 1999 по 2003 гг., когда динамика в сельскохозяйственном производстве была выше аналогичного показателя в промышленности за счёт удешевления продовольствия (продукции пищевой промышленности) после девальвации на внутреннем рынке, а также укрепления позиций российских производителей пшеницы на внешних рынках и повышательной динамике мировых цен на продовольствие.

Третий период можно обозначить как этап умеренного роста (1-4%) в 2003-2008 гг., что было ниже темпа роста промышленности. Этот период характеризуется режимом более интенсив-

ного оттока ресурсов из сельского хозяйства (кадры), исчерпанием динамики мировых цен на продовольствие. Кроме того, стали рельефными структурные ограничения функционирования реального сектора экономики России и др. Однако несмотря на более высокий темп роста в промышленности, замедление роста началось ранее, чем в сельском хозяйстве – в 2007 году, в сельском хозяйстве мы наблюдаем его в 2008 году, причём снижение темпа в промышленности обгоняло снижение темпа в сельском хозяйстве (рисунок 1).

Четвёртый период – это период восстановительного роста (2010-2011 гг.) и «рецессионного» снижения темпа роста на протяжении 2012-2014 гг. При этом сельское хозяйство сохранило положительный темп роста даже в 2015 году, в отличие от промышленности, испытавшей спад до 5%.

Запуск новой модели экономического роста является центральной текущей задачей экономической политики. При этом, в 2015 году относительно хороший рост показала отрасль сельского хозяйства, отдельные секторы переработки и пищевой промышленности. Возникает важный вопрос, касающийся того, возможно ли стимулировать дальнейший рост в сельском хозяйстве России, каковы его источник и ресурсы, потенциал [1-3], а также самое главное, сможет ли он стать генератором новой модели экономического роста в России, обеспечив необходимую модификацию её структуры. Конечно, в сложившейся ситуации, рост будет затруднён структурными ограничениями развития российской экономики, основные из которых сводятся к следующим [4]:

- доминирование сырьевых секторов над обработкой²;
- довлеющее влияние финансового сектора;
- формирование правила межсекторального перелива ресурсов;
- низкий уровень общей технологичности экономической системы.

На рубеже 1990-2000 гг. в России сформировалась «зона услуг» (транзакционных секторов), включающая финансовый сектор, но в основе её формирования лежал процесс перекачки ресурсов из обработки за счёт обеднения этой группы секторов, включая сельское хозяйство. Это хорошо отражают таблицы 1-2, где показан перелив ресурсов из сельского хозяйства и обработки по капиталу и труду в сторону добывающих секторов. Часть этого перелива приходилась на сектор услуг. Сформировался своеобразный «рычаг перекачки», причём дальнейшая пролонгация такой системы, задаваемой по линии «рентабельность-риск-процент» может создавать режим галопирующего развития – от

¹ Общая доля занятых в промышленности и сельском хозяйстве в 2015 году не превышала 27%. Свыше 70% было занято в других секторах и видах экономической деятельности. При этом промышленность даёт примерно 28% ВВП страны, сельское хозяйство около 4%. По доле инвестиций в основной капитал доля промышленности составляет примерно 40%, сельского хозяйства менее 4%. Коэффициент обновления основных фондов в промышленности около 6%, в сельском хозяйстве чуть ниже 4% на 2014 года, ещё в 2005 году, параметры были соответственно 4 и чуть более 2%. Это довольно низкие параметры обновления фондов в сельском хозяйстве. Коэффициент выбытия, наоборот для сельского хозяйства в 2 раза выше чем в промышленности, соответственно 2% и 1%. Это довольно низкий показатель выбытия фондов, который совместно с коэффициентом обновления говорит о больших трудностях в обновлении и создании нового основного капитала.

² Сегодня представители правительства РФ отмечают, что уже менее 50% поступлений в бюджет даёт сырьевой сектор, и доходы бюджета формируются за счёт не сырьевых направлений. Однако, этот эффект, по всей видимости, возник вследствие спада 2015 года – и вносит существенную лепту в проблемы российского бюджета (дефицит). Иными словами, тот итог является не результатом больших успехов развития обработки, а скорее трудностей развития сырьевых секторов с учётом мировой динамики цен на углеводороды.

кризиса к кризису через стадию короткого роста, если данное структурное ограничение не будет

трансформировано [4].

Рис. 1. Динамика сельского хозяйства и промышленности России, 1995-2015 гг.*

* Рассчитано по: http://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/1001700R.HTM

Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат.сб./Росстат - М., 2015. – 201 с. Здесь и далее, когда говорится о сельском хозяйстве имеется в виду ещё охота и лесное хозяйство.

Таблица 1

Структура основных фондов по видам экономической деятельности (на конец года; по полной учетной стоимости)*

Вид экономической деятельности	2004	2005	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение 2014 г. к 2004 г.
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,0	3,5	3,3	3,3	3,0	3,1	3,1	2,9	-1,1
рыболовство, рыбоводство	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	-0,1
добыча полезных ископаемых	7,5	8,0	8,6	8,2	8,6	9,5	9,7	9,8	2,
обрабатывающие производства	9,2	8,7	8,9	8,5	8,1	8,4	8,6	8,2	-1,0

* Рассчитано по: Россия в цифрах. 2014: Крат.стат.сб./Росстат- М., 2014 - 558 с. - с.74, Россия в цифрах. 2015: Крат.стат.сб./Росстат- М., 2015 - 543 с. - С. 64

Таблица 2

Изменение в структуре занятых по видам экономической деятельности, 2000-2014 гг.

Вид экономической деятельности	Изменение в структуре среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, % 2014 г. к 2000 г.
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-4,7
рыболовство, рыбоводство	0
добыча полезных ископаемых	-0,1
обрабатывающие производства	-4,5
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,1
строительство	1,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	5,0
гостиницы и рестораны	0,4
транспорт и связь	0,2
финансовая деятельность	0,9
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	0,7
образование	-1,2
здравоохранение и предоставление социальных услуг	-0,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,1

Как видим из таблицы 2, трудовой ресурс смещался из сельского хозяйства и обработки в

сектор услуг – оптовой и розничной торговли, операции с недвижимым имуществом, финансо-

вую деятельность, госуправление и строительство. Таким образом, экономический рост 2000-2014 гг. (за исключением одного года спада – в 2009 году) сопровождался серьёзным перераспределением ресурсов, сужая будущие ресурсные возможности развития сельского хозяйства и промышленности. Тем самым сложилась своеобразная экстенсивная модель экономического роста, когда рост отдельных секторов происходил за счёт ресурсов из других секторов («ресурсного обеднения») и картина роста сопровождалась деградацией целых видов экономической деятельности (технологической и ресурсной их примитивизацией³). Возникшее явление накладывает сильное ресурсное ограничение на развитие сельского хозяйства и промышленности. Стратегически возникают две модели, которые могут быть приемлемы для организации роста этих секторов на новой основе.

Во-первых, обеспечить взаимодействие по ресурсам между сельским хозяйством и промышленностью, то есть предоставить технику и оборудование (фонды) для сельского хозяйства отечественного производства.

Во-вторых, создать стимулы и правила, обеспечивающие обратный перелив ресурсов, идущих на развитие сельского хозяйства. Если санкции (ответные российские) стали протекционистской мерой, которая в институциональном смысле стимулировала развитие сельскохозяйственного производства в России, показавшего рост в 2015 году на фоне общего спада экономики, то эти действия могут быть признаны обоснованными и требуют усиления не только в части контроля над рынками сельскохозяйственной продукции (пищевая промышленность), но и над рынками ресурсной базы развития сельского хозяйства (удобрения, семенной материал, восстановление собственного поголовья скота, селекция, машины и оборудование и т.д.).

На рисунке 2 отражена общая схема системы межсекторных взаимодействий при организации новой модели роста России с опорой на реальные факторы производства, и для обеспечения продовольственной безопасности России. Можно выделить четыре институциональных уровня, определяющих функционирование всей системы элементов по тому, кто владеет и контролирует:

1 – развитие обрабатывающих секторов промышленности;

2 – пищевую промышленность;

3 – секторы растениеводства и животноводства в сельском хозяйстве по конечной продукции и рынкам

4 – рынок ресурсов (семена, удобрения, землю, выведение пород скота, кадры).

Общий потенциал развития экономики, определяемый создаваемым доходом текущим и ресурсной базой задаёт границы для развития соответствующих секторов производства. Состояние фондов, кадров, земли, исходные ресурсы, включая природно-климатические для сельского хозяйства и изменяемые текущие погодные условия – оказывают также сильное влияние. Однако институт владения имеет большую силу, особенно при принятии решений о выделении финансов по указанной структуре (решение задачи распределения ресурсов). Структура владения будет оказывать в этой схеме (рисунок 2) сильное влияние на возможность развивать сельское хозяйство и использовать его как генератор экономического роста в России. Мультиплицирующий финансовые расходы механизм очевидно заложен в работе сельскохозяйственного сектора, но быть включен он может по-разному в зависимости от названного институционального условия. В конечном итоге, ограниченные финансовые (и другие) ресурсы придётся распределять между обрабатывающими секторами, предлагающими для сельского хозяйства оборудование, и пищевой промышленностью, предъявляющими вместе с сельским хозяйством спрос на оборудование (фонды) и кадры, собственно сельскохозяйственным производством (между растениеводством и животноводством) и поддержанием (создание новой) ресурсной базы сельского хозяйства⁴. Если решать задачу в приведенной постановке, то программы развития села и сельского хозяйства не могут не учитывать текущего состояния исходных релевантных элементов данной системы и не обосновывать распределение ресурсов между ними, чтобы мультиплицирующий эффект был в идеале наибольшим (при прочих равных условиях). На сегодняшний день данным обстоятельством пренебрегают при разработке аграрной политики в России [3,4], формируемые государственные программы не учитывают указанного обстоятельства.

³ Качественная оценка вытекающего из экономического сектора ресурса довольно высока, то есть, покидал сектор обычно наиболее квалифицированный ресурс (кадры).

⁴ Здесь нужны финансы на функционирование научных подразделений, институтов в аграрном секторе, что является условием для развёртывание в этом секторе инноваций [2].

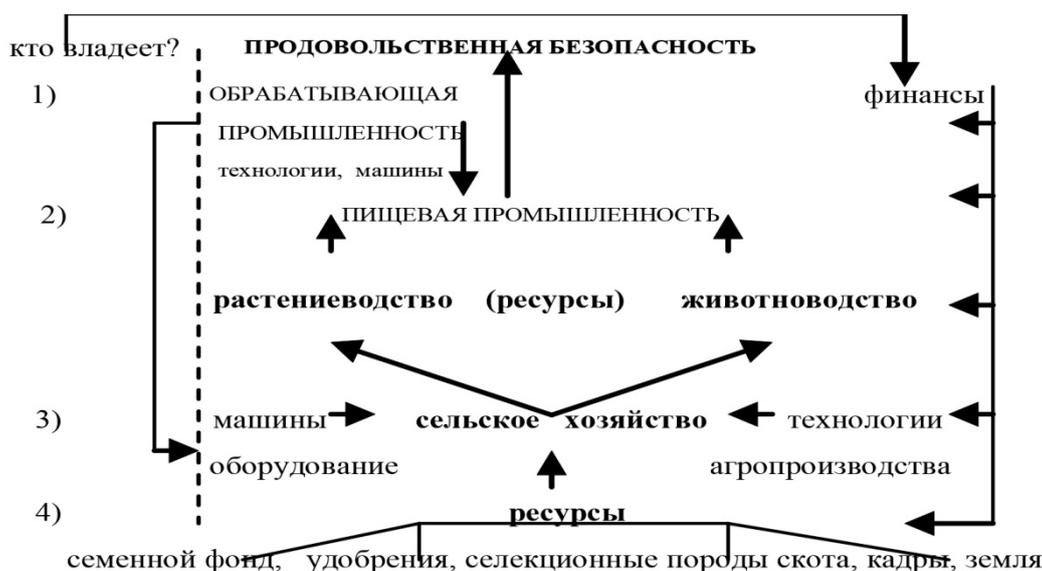

Рис. 2. Общая система секторальных связей для новой модели роста

Ниже, исходя из оценки складывающихся условий функционирования сельскохозяйственного сектора, определим основные структурные ограничения, затрудняющие его дальнейшее развитие, становящиеся в ближайшей перспективе тормозом роста данного сектора, если не будет предпринято соответствующих мер для элиминирования данных ограничений.

2. Структурные ограничения развития сельского хозяйства в России

Для российского сельского хозяйства характерны следующие черты развития за анализируемый период 2000-2015 гг.

Во-первых, низкая обеспеченность техникой и технологическая отсталость (недостаточный уровень механизации и автоматизации производства – см. рисунок 3).

Как видим из рисунка 3, по всем видам основной техники за рассматриваемый период происходит сокращение числа машин на 1000 гектар посевов (посадки) соответствующих культур в среднем в 2-3 раза, что с учётом сокращения самих посевов, особенно в 1990-ых гг., даёт по факту еще большее сокращение имеющейся техники, независимо от страны ее производства. Техника может покупаться импортная, что и происходило в 2000-ые гг., однако это не переломило общую тенденцию сокращения числа тракторов, зерноуборочных, кукурузоуборочных, картофелеуборочных, льноуборочных комбайнов и свеклоуборочных машин. Данное явление означает преобладание в российском селе высокой доли ручного труда, а при увеличении миграции из сёл в города данное обстоятельство становится наравне с технологическим ещё и структурным ограничением развития. Возникает дефицит по фактору «труд», причём преодолеть этот дефицит становится сложно из-за оттока рабочей силы. Остающуюся в селе рабочую силу

при осуществлении механизации сельскохозяйственного производства придётся обучать, что требует дополнительных затрат.

Во-вторых, как было отмечено выше, затруднён процесс создания нового основного капитала, сельское хозяйство работает на старых фондах и создание и обновление капитала упирается в ограничения по кредитованию и недостаточности собственных средств на развитие. Степень износа капитала составляет почти 40% (в промышленности – 45%). Существуют ножницы по рентабельности промышленного и сельскохозяйственного секторов вследствие сильной разницы в сальдированном финансовом результате и аналогичная разница по номинальной начисленной заработной плате в этих секторах. Причём в сельском хозяйстве данная заработная плата составляет только 60% от среднероссийского уровня, а в промышленности – 125%. Это выступает правилом для перелива кадров и сельской миграции с вытекающими последствиями для развития сельского производства. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2015 году в ценах 2000 года в сельском хозяйстве составила 4000 рублей, в промышленности – 9000 рублей, в целом по экономике – 7000 рублей.⁵ За 20 лет с 1995 по 2015 год число сельскохозяйственных организаций сократилось примерно в 5 раз. К 2015 году снизилось и число убыточных организаций, доля которых составила примерно 18%.

В-третьих, структура затрат была жёсткой и за 20 лет мало изменилась (см. рисунок 4).

⁵ Рассчитано по: Сельское хозяйство в России. 2002: Стат.сб. / Госкомстат России. - М., 2002. – 397 с. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат.сб./Росстат - М., 2015. – 201 с. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/

Рис. 3. Техническая оснащённость сельского хозяйства России, 1992-2014 гг.*

* Рассчитано по: *Сельское хозяйство в России. 2002: Стат.сб. / Госкомстат России. - М., 2002. - 397 с.*

Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: Стат.сб./Росстат - М., 2015. - 201 с.

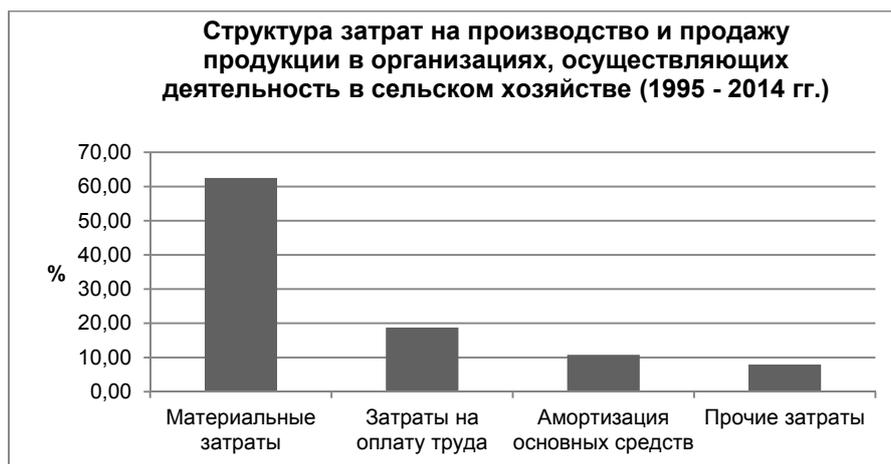

Рис. 4. Структура затрат в сельском хозяйстве, 1995-2014 гг.

Как видим, доля материальных затрат подавляющая и составляет 61%, заработной платы -19%, амортизации- 10% и прочих затрат чуть менее 10%. Проблема диспаритета цен хорошо обнажается на рисунке 5, где показана разница в номинальной начисленной заработной плате относительно средней по России в промышленности и сельском хозяйстве. Если в промышленности этот показатель существенно выше среднероссийского, то в сельском хозяйстве – существенно ниже. Нужно отметить, что в период 2010-2015 гг. эффект ножниц не изменяется, графики почти параллельны друг другу (рисунок

5). В период 1995-2005 гг. наблюдался интересный эффект, когда рост заработной платы в промышленности сопровождался её снижением в сельском хозяйстве. Затем с 2005 по 2010 гг. наоборот, снижение заработной платы в промышленности сопровождалось повышением её в сельском хозяйстве. Иными словами, чётко выделяются по периодам времени два интервала, когда заработная плата в промышленности и сельском хозяйстве изменяется в противоположном направлении, и когда пропорция между ними практически остаётся неизменной.

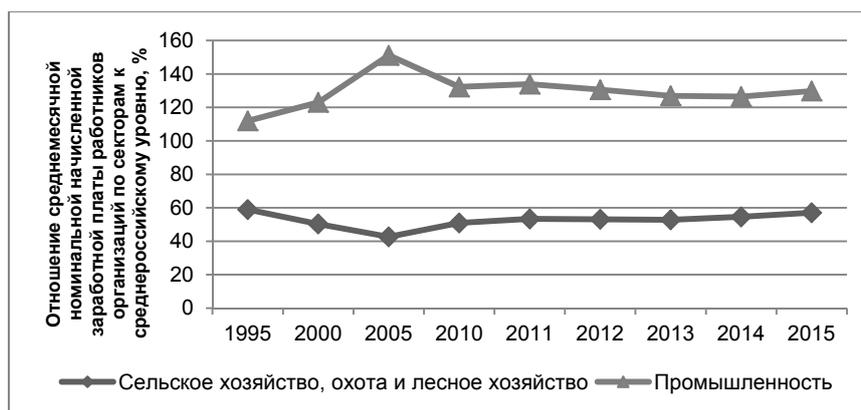

Рис. 5. Заработная плата в промышленности и сельском хозяйстве, 1995-2015 гг.

Это говорит о том, что структурных изменений по существу не происходит и остаётся неизменной структура затрат, что влияет на перелив ресурсов между секторами и определяет их дальнейшую динамику и потенциал развития. «Эффект ножниц» или как говорили ранее диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию является одним из движущих факторов миграции из села в города. Однако, если ранее, в советский период эта миграция была не столь интенсивной и, в основном, переезжающие кадры находили места работы в городской промышленности, то в настоящее время идёт приток кадров в сферу услуг, финансов и в коммерческие цепи – торговлю и сырьевые секторы. Это выступает серьёзным ограничением в развитии сельского хозяйства, поскольку наравне с выводом из эксплуатации земель сельскохозяйственного назначения, которые требуют восстановления (инвестиций) в силу длительного неиспользования, возникает ограничение по кадрам. Следовательно, рост в сельском хозяйстве 2015 года, скорее всего, продолжится и в 2016 году и далее, но он имманентно ограничен по ресурсам. Поэтому если в рамках аграрной политики не воспользоваться данным периодом роста (обусловленным в этом секторе девальвацией рубля и ответными санкциями), чтобы стимулировать развитие ресурсной базы, то потенциал этого роста будет довольно ограниченным (по темпу и времени). Более того, кадровый вопрос на селе быстро невозможно решить, поэтому остаётся одно – повышать технологичность сельского хозяйства по всем направлениям, что означает необходимость вложения инвестиций в новые фонды (машины, оборудование) и аграрные технологии. Тогда даже при той же обеспеченности кадрами росту сельскохозяйственного производства будет придан новый импульс и только в таком случае данный сектор сможет исполнить роль устойчивого генератора в рамках новой модели экономического роста России. Безусловно, рост сельского хозяйства имеет общую направленность не столько на преодоление структурных ограничений, сколько на обеспечение продовольственной безопасности страны, насыщение

продовольственного рынка. В принципе, у этого роста имеется одно фундаментальное ограничение, задаваемое возможностью данной нации и государства потребить создаваемую продуктивную массу (пищевые продукты), плюс сохранение продовольственного резерва (включая задачи военного времени – мобилизационный резерв) плюс экспортные возможности, определяемые текущей долей мирового рынка, которую занимает данная страна, с учётом ближайшей перспективы изменения этой доли в силу наличия тех или других факторов, определяющих мировой рынок (в частности, пшеницы и других культур, мяса и т.д.). Следовательно, использование земель, кадров, фондов и развёртывание всех видов сельскохозяйственных работ, включая обновление технологий (инновации) обусловлено этими фундаментальными пределами, задающими контуры текущего функционирования и развития сельской экономики. При этом важным ограничением выступают природно-климатические условия, состояние земель, текущие погодные условия. Это создаёт сезонность в развитии сельского хозяйства повсеместно, с более рельефным профилем таких колебаний для северных стран с суровым климатом. Требования «зелёной экономики», становящиеся всё более значимыми, программируют уровень добавочных издержек и становятся частью технологического процесса обеспечения сельскохозяйственного производства. Из этих требований формируются стандарты потребления и потребительского рынка, требования к пищевым продуктам – эргономике и экологии питания. Если ставить стратегические задачи развития сельского хозяйства [3], то это, прежде всего, снижение химизации продовольствия и введение безотходных технологий, позволяющих создавать экологически чистые продукты массового потребления. Решение такой задачи потребует изменения режима функционирования пищевой промышленности, новых технологий переработки и хранения продуктов, изменения работы оптовых и розничных торговых сетей (сегодня ориентирующихся на продукты длительного срока хранения, что и обеспечивает химизацию продовольствия), организации питания. Потре-

буется решить проблемы применения антибиотиков при выращивании крупного рогатого скота, отойти от применения гормонов (по мясным продуктам), обеспечить введение новых конвенций качества и стандартов производства и потребления. Комплекс этих вопросов напрямую касается вопроса обеспечения национальной и продовольственной безопасности – и не может рассматриваться отдельно от проблемы организации роста данного сектора экономики.

3. Развитие секторов сельского хозяйства: общие меры аграрной политики по улучшению качества продовольствия

Пищевая промышленность становится центральным звеном в решении проблемы улучшения качества продовольствия. Однако её возможности ограничены, так как зависят от качества поступающего сырья, которое даёт пищевой промышленности сельское хозяйство (см. рисунок 2). Дадим краткую характеристику развития секторов растениеводства и животноводства в России за последние годы, период с 2010 г. по 2015 г. (см. рисунки 6-7).

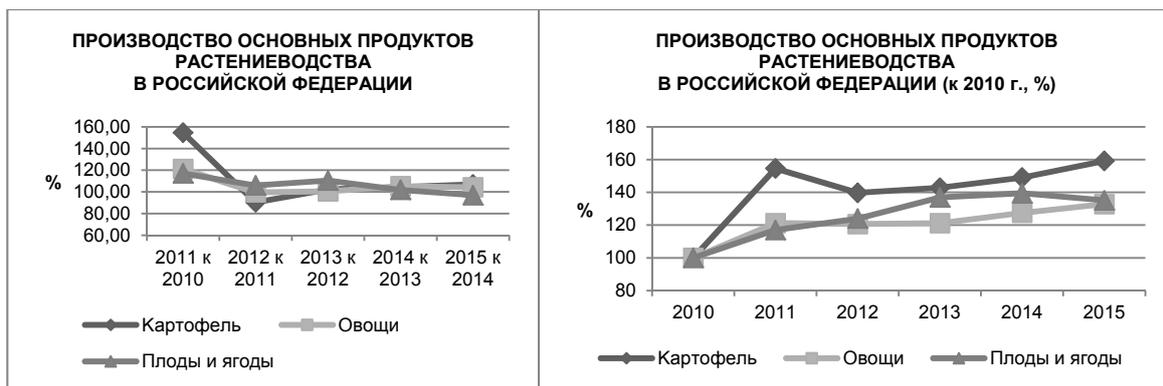

Рис. 6. Производство некоторых продуктов растениеводства, 2010-2015 гг.*

* Рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#

Производство в секторе растениеводства в целом возросло (графики справа на рисунке 6), но темп роста в среднем понизился (графики

слева на рисунке 6). По плодовоягодным продуктам темп стал отрицательным к 2015 году.

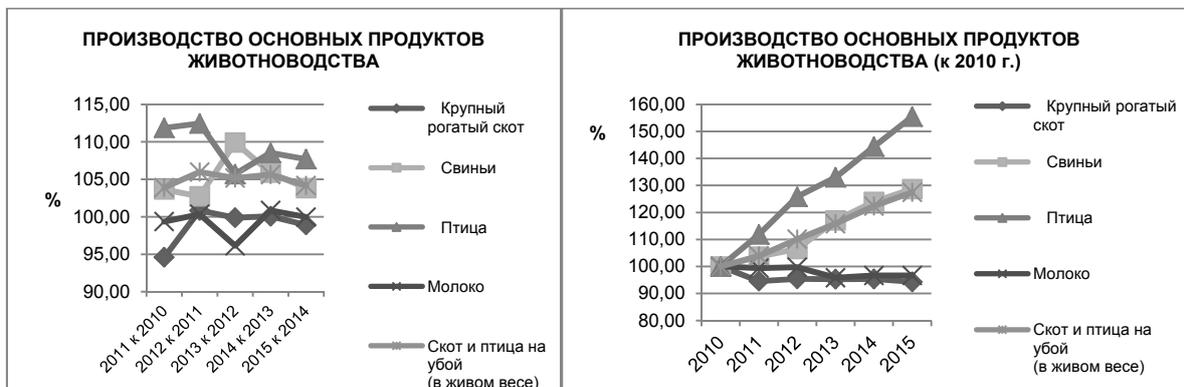

Рис. 7. Производство некоторых продуктов животноводства в РФ, 2010-2015 гг.*

* Рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#

В области животноводства из-за крупных потерь поголовья скота в 1990-ые гг. и ограниченный по возрождению селекционного животноводства в 2000-ые, а также ограничений на развитие научной базы животноводства, обеспечить рост по всем направлениям оказалось невозможно. Так, по крупному рогатому скоту и молоку наблюдалось снижение объёмов к 2010 году (рисунок 7 справа) и темп по этим позициям был отрицательный по молоку в 2011 и 2013 году, по

крупному рогатому скоту – в 2011, 2014-2015 гг. (рисунок 7 слева).

Как видим, общая динамика за рассматриваемый период времени вполне позитивная (за исключением отдельных позиций). Вместе с тем, проблема качества продовольствия остаётся довольно острой, как и высокой продолжает оставаться импортная зависимость по отдельным продовольственным позициям, особенно по

сырью для пищевой промышленности и сельского хозяйства России (см. рисунок 8).

Рис. 8. Объём импорта отдельных видов продовольственной продукции

Как видим из рисунка 8, девальвация 2014 года, сделавшая импорт очень дорогим, существенно снизила эту зависимость по всем приводимым здесь видам продукции. Однако, по сырам и животному маслу она очень высока – до 30-40%. Только по мясу и птице, консервам мясным и растительным маслам к 2014 году Россия вышла на показатель продовольственной независимости в 20% импорта (80% собственное производство – такой норматив фигурирует в документах по продовольственной безопасности).

Пищевая промышленность выступает своеобразным индикатором макроэкономических изменений в России. Так, в 2009 году число организаций пищевой промышленности сократилось почти на 10 тысяч, с 50 до 40 тыс. организаций, но затем заметно не возросло (конечно, это могли быть частично и укрупнения, объединения, институциональные изменения, касающиеся собственности и владения). Рентабельность проданных товаров и услуг снизилась к 2005 году с 16% (в 1995г.) до 8%, то есть в 2 раза за десять лет. Далее она изменялась от 8 до 10%, но уже не превышала 10%, вплоть до настоящего времени. Сальдированный финансовый результат 2014 года в ценах 2000 года отвечал как раз уровню 2000 года. Это говорит о неустойчивости в работе пищевой промышленности, накопленных проблемах, связанных с состоянием фондов, технологий и поступающего по импорту сырья.

Подводя итог проводимому анализу, необходимо заключить, что решение проблем развития сельского хозяйства как одного из ведущих драйверов роста российской экономики, видится только в системном ракурсе – по элементам схемы, приведенной на рисунке 2, с общей стратегической целью укрепления внутреннего рынка продовольствия, причём такого продовольствия, которое в массовом объёме не производится в других странах – экологически чистых продуктов с низкими сроками хранения и наивысшей биологической полезностью. Для

этой цели понадобится и институциональная коррекция действующих нормативов, введение ГОСТов на производство пищи с жёсткими требованиями по советскому образцу, усиление контроля за организациями пищевой промышленности и контроля за решениями собственников этих предприятий, а также учёт структуры собственности и повышение доли российских собственников во владении пищевой промышленностью (на сегодня высока доля иностранного владения и производства пищевых продуктов по лицензии и т.д.) Требуется ужесточить медицинские требования и нормативы по потреблению растительных жиров, белка, углеводов, усилить требования по обработке жиров и применению пальмового масла и трансжиров, а также гормонотомодифицированного мяса и генномодифицированных продуктов. От этих позиций требуется принципиально отказаться, развивая сельское хозяйство на иной основе. Именно такой подход позволит создать новый потенциал данной отрасли и сделать её подлинным фактором экономического роста в России на долгосрочной основе.

Библиографический список:

1. Анфиногентова А.А. Межотраслевые взаимодействия в региональных агросистемах – Саратов: ИСЭП АПК РАН, 1997.
2. Анфиногентова А.А. Крылатых Э.Н. Стратегия развития АПК с учетом инновационных факторов // АПК: экономика, упр. 2005. № 10. С.4-11.
3. Анфиногентова А.А. Глобальный продовольственный кризис и задачи развития межотраслевой аграрной экономики // Закономерности развития регион. агропрод. систем / Ин-т аграр. пробл. РАН. Саратов, 2009. С.7-10.
4. Сухарев О.С. Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы – М.: Ленанд, 2015 – 240 с.